

Рукопись, найденная в тюремной камере

*Посвящается родившимся в районе
1953-го года на великой, не
существующей более территории.*

*«Ты вновь стоишь на лезвии
судьбы!» — по-гречески Софокл
написал...*

*— Тише, тише, — с улыбкой сказал
мсье Пьер, дотронувшись до его спины
пухлой рукой в щегольской перчатке».*

*(Эпиграф-компиляция и ключ к
эзотерическому смыслу; «Антигона» и
«Приглашение на казнь»)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ВОЛЬД (tragoedia)

...и черное меня сжигало пламя светлым
днем, — мне снился дивный сон в деталях
достоверных, подробный в обстоятельствах
интриги, он был как жизнь — он для меня был

явь! — набор невероятных исключений из правил жизни. Я это осознал, когда проснулся. Все пережитое во сне меня толкало к столу, бумаге и перу. Я сел за стол перед листом бумаги — и замер, как во льду замерзший камень, мне стало страшно, а из-под пера так и не вышло даже первой буквы: сон — пугал...

Прошло полгода или около того — и снова тот же сон поймал меня врасплох. Я снова жил во сне. И снова страшно стало, когда проснулся. Но на этот раз боялся я не сна, а повторенья сна: мне будто кто-то снова предлагал его оформить письменно, напоминал, что ЭТО сделать НАДО — и я поверил и решил не ждать напоминанья ТРЕТЬЕГО. И получился у меня рассказ — и стал полнеть, взрослеть, меняться — разросся и превратился в ЭТО, не объяснимое ни мне и никому, реальное, как опьянение на природе, и вместе с тем причудливее сна — и дальше продолжал расти...

Я поначалу думал, написание избавит меня от связи с содержанием кошмара, но я ошибся, и написанное мной, мной завладело безраздельно и сбываться стало. И вот теперь последний раз сажусь к столу переписать и дописать, и уничтожить, и чья-то воля рукой моей ведет, и та выводит на листе бумаги: «Лето было...»

2. ГОРОД МЕРТВЕЦОВ

Лето было душным до умопомрачения. В такое лето могло произойти все, что угодно — даже то, что не могло произойти никогда...

Я не объяснил ей, почему мы заехали в этот городок на краю света — это было мое сугубо личное дело, сказал, как обычно, «надо!» — и она с привычной легкостью согласилась. Легкомыслие и доверчивость, определяющие ее характер, порой пугали меня до неуверенности в завтрашнем дне: точно так же она могла бы послушаться кого угодно, кто кстати оказался бы рядом. Ведь ни о какой взаимности не было и речи. В глупые моменты я спрашивал ее: «Ты любишь меня?» — и она с рассеянной готовностью отвечала: «Конечно!» И в этом «конечно!» яснее ясного проявлялось полное отсутствие какого-либо чувства. Тем более — любви. Ее не было и в помине. Но я не сильно расстраивался по этому поводу: она влекла меня своей молодостью, изящной красотой и безотказностью. По-видимому, я был влюблен — и до такой степени, что совсем наплевал на ее отношение ко мне. То, что она не понимала любви и не жила ею, я объяснял себе ее возрастом и не задавался вопросом, чем же она живет на самом деле. Живет — и живет. Меня это вполне устраивало.

Я увидел нужный мне дом в горчичном тлене перекрестка, распятого на солнцепеке, — беловатую оштукатуренную тысячу лет назад трехэтажку напротив дома уже закрытого на капремонт. Подругу я оставил в прозрачной тени молодой чахлой акации, а сам направился через пустынную в этот жаркий час улицу к подъезду. Пыль выпрыскивала из-под моих башмаков и не торопилась на землю.

Окна лестничных маршей были заколочены фанерой, — я вошел в прохладу и полумрак и чуть не уронил крышку гроба, притаившуюся за дверью. Только верхнее разбитое окно впускало зной и свет на последний лестничный марш, площадку третьего этажа и сверкающий пятнами потолок. Под этим окном сидели на корточках четверо мужчин от 17 до 70 лет — все в черных горячих костюмах. Лица их были по мрачному темны, как и взгляды, которыми они приветствовали и одновременно ощупывали меня, чужого всем своим видом этой жары, этой пыли и, как они, по-видимому, решили для себя, этому дому и этажу.

Они, однако, ошибались.

Я кивнул им. Самый молодой попытался преградить мне путь, но старик властным жестом остановил порыв юноши, и тот уселся в прежней позе подпирать обшарпанную веками стену.

Дверь открыла пожилая женщина в

заплаканном трауре. Она внимательно оглядела меня, вздохнула облегченно, как бы узнавая, хотя я здесь был впервые, и посторонилась, впуская меня в прихожую.

Однокомнатная квартира. Совмещенный санузел. Здесь с недавнего времени проживал мой друг, молодой здоровенный парень, с которым мы последнее время были связаны не столько приятельскими отношениями, сколько деловым партнерством. Проживал, проживал — да вот вдруг помер. Известие это настигло меня на пути к морю, пляжу и рассеянному образу жизни — стоило подумать прежде, чем пускаться в такой дальний конец — но я заставил себя сделать это.

Ввиду прохлады гроб с телом стоял в ванной комнате. Женщина любезно включила верхний свет, хотя и без того было видно, что покойник мертв. Он занимал половину всего пространства, отпущенного архитекторами для живых утренних процедур, и казалось, был доволен тем, что мешает всякому, кто захочет хотя бы умыться с дороги руки.

Я стоял и смотрел на бывшее живое лицо своего приятеля — настолько БЫВШЕЕ, что уж по этому поводу не могло быть двух мнений — как вдруг что-то неуловимо дрогнуло, и реальность поплыла у меня из-под ног. Я беспомощно оглянулся на стоявшую позади меня в позе скорби женщину, но она отвернулась в этот момент, а

через секунду и вовсе вышла, деликатно оставив меня наедине с покойником.

Тогда он СНОВА открыл глаза.

На этот раз я уже был подготовлен и вполне достойно перенес это легкое оживление в лице мертвеца.

Единственно, чем я был по-настоящему обеспокоен, так это чтобы траурная женщина не вернулась вдруг и не застала всего этого безобразия. И тут он подмигнул мне и сел в гробу, сложив по-турецки свои громоздкие в черных брюках ноги, оправил пиджак и галстук и улыбнулся. Он и при жизни отличался озорством, этот приятель. Но на такое...

«Только бы не вошла! Только бы не вошла!» — молил я неизвестно кого и с тревогой прислушивался к шаркающим шагам старой женщины. Больше в квартире, по всей вероятности, никого не было.

Она не вошла. Наоборот, она вышла — хлопнула входная дверь, и тишина выползла из всех углов.

Покойник сидел в гробу и широко улыбался, радуясь встрече со мной.

— Ты с ума сошел! — прошептал я.

Что я еще мог сказать или сделать в такой ситуации? Милицию вызвать? Надо было знать моего приятеля при жизни, чтобы понять, что я не

мог перечить его причудам. Он был бешеного склада характера и не допускал ни малейшего непонимания и, тем более, непокорности в отношении своих замыслов. Только мой застарелый страх перед ним не дал мне в этой ситуации сойти с ума или начать действовать как-то НЕ ТАК. Поэтому я не сильно расстроился, когда мертвец дружески хлопнул меня по плечу и неловко соскочил на пол. Он открыл дверь и выглянул в прихожую. Вышел, придерживаясь за стенку. Прошел таким макаром в комнату. Он как бы заново учился ходить. Но это продолжалось недолго. Скоро он уже носился вокруг стола, по дивану, оглушительно хлопал ладонями по обоям, пытался выскочить на балкон, но тут уж я вмешался и не выпустил его, хотя это стоило мне невероятных усилий — приятель оказался такой же здоровенный, каким был при жизни. Тогда он уселся на диван, взял со стола бутылку и принялся ее распечатывать. Это была какая-то гадость местного производства. И тут в дверь забарабанили! Это было уже серьезно, потому что мертвец ни за что не хотел расставаться с бутылкой — совсем как при жизни — и тем более, возвращаться в свой гроб.

Стучали громко, настойчиво, будто хотели разбудить самого мертвеца, не подозревая, что он уже поднялся, хочет выпить и может сам открыть

дверь.

С великим трудом мне удалось загнать его в ванную комнату и запереть. Только после этого впустил я нетерпеливых. Это оказались черные мужики из-под окошка. Теперь они по-другому смотрели на меня. Старик сочувственно пожал руку. Молодой глянул извиняющимися глазами. Остальные двое, как и полагается перед незримым ликом вечности, кивнули сдержанно и сурово. Вместе мы прошли к столу. Старик достал из кармана бутылку водки, распечатал, разлил по стаканам, пробормотал что-то и залпом выпил. Остальные последовали за ним. Без единого звука. Так же молча они прошли в прихожую — старик снова проявил соболезнование пожатием — о покойнике не поинтересовались и вышли.

Стоя перед зеркалом ванной комнаты, он неумело накладывал грим на свое мертвое лицо.

— Я больше не могу на этой жаре, Сережа! — с ужасом услышал я у себя за спиной. — Прости, милый!

Я захлопнул дверь ванной, обернулся, схватил свою подружку за руку и торопливо провел в комнату. Она увидела стол с закусками, опорожненную бутылку водки и с легкой укоризной посмотрела в мою сторону. Скинула раскаленные туфли и с ногами забралась на диван.

— Пьянствуете? В такую жару? А

шампанского нету?

— И быть не может! — отрезал я.

— А почему ты меня не представишь?

— Кому?!

Он стоял рядом со мной! В руках продолжал держать баночки с гримами.

— Вольдемар! — склонил он вдруг свою крупную голову, обнаружив прямой, как лезвие опасной бритвы, пробор. — Ваш покойный слуга!

— Мария!

Моя подружка соскочила с дивана и сделала книксен.

— Какой вы смешной! Давайте я вам помогу.

Мария усадила покойника на диван, забрала у него баночки и принялась ловко манипулировать, будто занималась этим всю жизнь, приводя его лицо в божеский вид. Я не мог даже пошевелиться, — такой вдруг на меня напал столбняк.

В дверь постучали.

— Открой же, милый! Не видишь, мы заняты?

Так как я все еще не мог пошевелиться, Мария сама пошла открывать.

— Ты что делаешь, подлец? — двинулся я на мертвеца.

— Заткнись! — угрожающе приподнялся мой бывший друг, ухватился за столешницу, и я увидел, как древесина трещит под его пальцами и

рассыпается трухой!

— Там какие-то спрашивают, когда выносить! — весело сообщила моя подружка. — Вы переезжаете, Вольдемар?

— Да, в некотором роде. Пусть подождут внизу! — приказал покойник, и моя Мария кинулась выполнять.

Потом она снова попыталась приступить к его лицу, но он недовольно отстранил ее со словами «хватит уже!» и поднялся.

— Поройся там, в холодильнике, приготовь чего-нибудь перекусить, — снова приказал он, и снова Мария с готовностью удалилась.

Мы тем временем стащили вниз пустой гроб, Вольдемар накинул на него крышку и выпихнул ногой за дверь, — а там как ждали: дружно застучали молотками, подхватили, засунули в пустой автобус и пыльно укатили в переулок.

— Венок забыли, — сказал покойник и потрогал черную ленточку с белыми буквами. — «Вольдемару от друзей», — прочитал он. — От тебя, между прочим.

— Ничего я не покупал, — убито проговорил я.

— Понимаю. Некогда. Самому пришлось позаботиться. Так! Зови свою кралю. Пойдем прошвырнемся. Скажи ей, у меня день рождения. И без глупостей... дорогой друг!

Провырнулись мы в грязную привокзальную кафешку, где даже чистые салфетки в пластмассовых жирных стаканах казались залапанными и мятыми. Но ничто не могло смутить мою подружку. Она во все глаза пялилась на Вольдемара, а тот был в ударе и щебетал соловьем.

Мы пили шампанское, сладкое и теплое, закусывая батончиками из сомнительного шоколада, — когда за наш столик подсел болезненного вида молодой человек и уставился на Вольдемара. Покойнику это не понравилось: видно было, как он начинает наливаться злобой, сжимая свои кулачищи, — но тут Мария коснулась его руки, — и грозный мертвяк расслабился и даже улыбнулся. Молодой человек вздохнул неопределенно:

— А говорили, ты помер, Волик.

— Ну и что?

— Так. Ничего. Болею я. Тоже скоро помру.

— Все там будем! — философски заметил покойник с большой долей лицемерия...

Из-за климатических условий попойка шла для меня изнурительно. Бутылки появлялись и исчезали с методичностью тренировки, сердце атлетически перегоняло взбухшую кровь. Это был даже не марафон, а бег по кругу. Вольдемар сидел румяный и свежий, как из холодильника. Когда он ушел танцевать с моей подружкой под

магнитофонную лень, заведенную для него буфетчиком, больной юноша придвинулся ко мне и тихо проговорил:

— Население растет за счет покойников. Если бы не они, разве произошел бы такой демографический взрыв?

В свете выпитого и событий сегодняшнего дня мысль показалась мне любопытной, и мы вместе принялись развивать эту тему. По всем статьям выходило, что быть мертвецом в наше время гораздо выгоднее, чем живым. Во-первых, мертвые не потеют. Во-вторых, не надо тратить на медицину и питание. В-третьих, освобождаешься от массы тягостных обязательств перед живыми.

— И потом, — заметил мой собеседник, — навсегда расстаешься с тоскливым страхом смерти...

— Да, мы в тысячу раз лучше вас! — рассмеялся над нами Вольдемар.

Он усадил свою партнершу и развалился сам. И тут я взбесился!

— Лучше? — почти закричал я. — Да вы гнилье! — я саркастически захохотал. — От вас разит. И я знаю самую главную тайну!

Как мне вдруг захотелось произвести на свою подружку неотразимое впечатление! Но она смотрела на меня с холодным удивлением.

— Ну-ка, ну-ка! — подался вперед покойник,

и тусклый взгляд уперся мне в переносицу; пыль покрывала его глаза тонким бархатом.

— Да! Знаю! — отшатнулся я от него. — У вас у всех нету души. Ты пустотелая чушка, Вольд, чурбан, бревно, дерево спиленное...

Покойник смотрел на меня сочувственно и снисходительно.

— Да ты пьян, милый! — услышал я стеклянный голос Марии.

— Пьян? Да ты посмотри на его глаза! Зеркало души! Там ведь не отражается ничего!

— Иди умойся! — был ее ответ.

Откуда что берется? Моя подружка выросла прямо на виду у всех.

— А ты умой своего кавалера, — проговорил я менее уверенно. — Посмотришь тогда, что это за птица. День рождения? Ха-ха-ха. Поминки это! Поняла?

— Пусть! — повысила голос уходящая из-под моей власти Мария. — Лучше покойник, чем такой зануда, как ты!

Вот это был удар! Она обняла за шею моего бывшего дружка и поцеловала в губы, и сама же смутилась своего порыва — моя маленькая крошка! — и зарделась, а этот субчик снисходительно потрепал бедную девочку по щеке.

— Не надо так волноваться, — ласково произнес он. — Наша любовь еще впереди. А

пока...

Он поднялся над столом, громоздкий как самосвал, и я уже решил, что сейчас он разорвет меня на куски, — такая в нем чувствовалась неукротимая сила, — но он вдруг хлопнул в ладоши и каркнул:

— Маскаррраад!!!

Остальное, за тем последовавшее, ощущалось весьма приблизительно: какие-то массы покойников в кафе и потом на улицах, площадях, загаженных скверах и пустырях; страшные рожи, слепые глаза, оскалы вместо улыбок; исходящая веселым энтузиазмом крошка Мэри; постоянное присутствие настороженного покойника Вольдемара; болезненный молодой человек, с которым я успел подружиться, но которого никак не мог удержать около себя, потому что неведомые силы постоянно уводили его от меня в темноту; тоскливое одиночество и нескончаемое шампанское. А потом мы очутились в квартире Вольдемара. Мы стояли с ним на балконе, и он с хитрым видом демонстрировал мне содержимое небольшой коробки. Там были французские тональные пудры, гримы, лосьоны и одеколоны. И что-то еще, чем он больше всего гордился, но я глядел и не понимал, что это, собственно, за невидаль такая: два округлых белых камня-голыша с голубиное яйцо. И тут я понял — и только после

этого сумел увидеть!

Это были два стеклянных глаза, которыми мой бывший Вольдемар собирался заменить свои поблекшие буркалы! Он простодушно хвастался передо мной. А потом убрал коробку в балконный шкаф, и мы прошли в комнату.

И снова мы пили шампанское и чем-то даже закусывали, и мой новый приятель сидел рядом, и вид у него был совсем уж болезненный: он часто прикладывал руку к груди и постанывал, но пить не переставал, и после очередного возлияния как будто оживлялся, но уже через пять минут снова хватался за сердце, и снова пил, а этот гад подливал ему, и мне тоже, и кому-то еще. А я потихоньку встал и вышел на балкон — будто бы покурить. И закурил на самом деле. Стоял курил, смотрел на черный капремонтавский дом, на кривые звезды — и тоскливо боролся со своим страхом. А потом все-таки решился...

Я открыл балконный шкаф и вынул оттуда заветную коробочку. Один глаз полетел в левую сторону проклятой ночи, другой — в правую. Остальное я вытряхнул вниз, в пыль под балконом. Коробку швырнул к дому напротив. И вздрогнул! И обернулся...

Покойник возвышался над компанией, подавшись вперед всем телом. Потом он взял кухонный нож и с треском вогнал его по самую

рукоятку в стол — глядя в меня! И вышел из-за стола, опрокинув стул. И двинулся к балкону — то есть, ко мне...

Я стоял, ждал, а он приближался — широкий и паскудный, как улыбка на его роже, растопырив свои грабли со скрюченными и окоченевшими серыми пальцами.

Когда он был уже на пороге, стоял пожирал своими невидимками весь мой страх и ужас (в это время что-то с грохотом обвалилось в комнате, а внутри меня лопнула струна, удерживавшая все мои жизненные силы, но я почему-то все еще не умирал и не умирал, а это пугало стояло на пороге и пугало, но не приближалось, хотя и не удалялось тоже) — в это самое время на меня и снизошло радостное, как покой, великое знание: Я СПЛЮ, И ВСЕ ЭТО МНЕ ТОЛЬКО СНИТСЯ! И я поверил. И с этим новым своим знанием, но ничем не выказывая его, приготовился ждать, что будет дальше, решив про себя, что проснусь только в самом крайнем случае. А покойник стоял на пороге, подозрительно на меня поглядывал и не шевелился. А потом перестал улыбаться и безвольно растворил свою пасть, при этом глаза его ввалились, оставив после себя два черные провала, — неприятное зрелище! — и я решил, что с меня хватит и пора просыпаться. Проснусь — и поудивляюсь на свои страхи и глупые фантазии: приснится же такое!

Расскажу этот сон кому-то, — и мы вместе посмеемся. Запишу на бумаге, — вот будет занимательное чтение для любителей остренького, на ночь глядя! Когда проснусь... Но я почему-то не просыпался! Я напрочь позабыл, как это делается. Да и знал ли когда-нибудь? Да кто-нибудь знает ли — как?

Сквозь сон ко мне стучалась жизнь, мир, в котором меня сейчас не было, — а я спал и не знал, как ему помочь вернуть мне мое бытие. Как это обычно бывает: или команда «подъем!» или звонок будильника, или — что? Мой-то будильник молчал...

Нелепейшая ситуация! И если бы хоть снилось что-то приличное, а так...

Не вечно же мне торчать на этом безобразном балконе?!

Но нет, видно, не вечно.

Страшила тоже решил, что так дольше продолжаться не может — между жизнью и смертью, сном и явью, когда самая главная его тайна (что он лишь плод моей фантазии, сон) уже не тайна, — и он собрал свои челюсти в подобие улыбки и кивнул мне снисходительно, как палач приговоренному. И я тоже кивнул ему, обмирая от ужаса...

Просыпайся, Сергей! Напрягись, ну! Проснись, проснись, проснись! — но только

слабость навалилась на меня своим толстым брюхом, придавила — не продохнуть!

И мертвец снова двинулся на меня...

В последний момент страшила вдруг превратился в моего старинного приятеля Вольдемара. Он крепко хлопнул меня по плечу и сказал, что это была его глупая шутка — розыгрыш с мертвецом, что вся эта фантасмагория подстроена его бредовой фантазией — даже девушка Мария. И Мария подтвердила с извиняющейся улыбкой: «Да, милый! Я спала с тобой по его прихоти. Но это же так смешно, правда?» А я спросил их, зачем? И он ответил: просто так! Им обоим, мол, было скучно, и они решили развлечься таким способом, умотав меня до самого края.

— Не в кайфе финиш, яд прикола — в умате! — сказал Вольдемар.

Очень убедительно оба они говорили, очень понятными для меня словами и выражениями — даже подозрительно близкими мне, МОИМИ словами и выражениями! (Ведь после своего ОТКРЫТИЯ, я стал чертовски мнителен!) А Мария вдруг сказала:

— Ну и что же, что во сне? Чем тебе это не нравится? — и повернулась к Вольдемару: — Не бойся, он ничего плохого нам не сделает...

Кто кого уговаривал: она его, или она меня, или это я сам себя уговаривал? Или это была

вынужденная защитная реакция сознания на непостижимость случившегося, его адаптация к новым условиям существования — жизни во сне?! Сознание будто хотело зажмуриться, сунуть голову в песок — чтобы не свихнуться или не умереть от ужаса.

И вот тут только я окончательно понял, что проснуться мне уже, как говорится, не суждено никогда...

И не проснулся!

И до сих пор так ни разу и не просыпался...

Я все-таки добрался до пляжа и моря, просолил, прокоптил и провялил себя безо всякого удовольствия и пользы, но — во сне!

Я понимаю, лето было душным до умопомрачения, и в такое лето могло произойти все, что угодно. Но то, что случилось со мной — невероятно! И я даже не знаю, как об этом сообщить людям, — ведь я не могу проснуться! Может быть, это послание как-то дойдет до них, и меня разбудят? Хотя... это уж точно — бредовая идея!

Лето было душным...

Но вот теперь — холодная осень, и надвигается студеная зима, и придет весна. Дни идут, и приходят ночи. И я пытаюсь заснуть — в тайной надежде ПРОСНУТЬСЯ — и не могу! И успокаиваюсь только с утренним светом, — и нет

этому предела!

Осень. Мочалом
повисла береза,
бледная немочь.
Стылая ночь
давит в окно
запотевшее слезы.
Хочешь уснуть —
да проснуться
невмочь!

Как я живу,
Господи?
Дай мне силы
проснуться!

3...И ПРОСНУЛСЯ!!!

Вокруг была непроницаемая темнота и духота, но это не смущало, потому что я лежал, думал, анализировал и мог ВСПОМИНАТЬ.

Никогда раньше не видал таких убедительных снов! Причем ситуации, люди и даже места действий были мне совершенно незнакомы, за исключением Вольдемара, с которым мы еще в детстве водили дружбу, а потом учились в

университете, и у нас даже были какие-то общие дела. Но ведь он жив-здоров — это раз! Во-вторых, я никогда не боялся его. И самое интересное: что это за Мария за такая? Лица я толком не запомнил, но знаю наверняка, что она не была ни одной из прежних моих подружек...

А почему так темно? Не во сне ли я опять? Говорят, бывает: просыпаешься от одного кошмара, чтобы тут же очутиться в другом. Надо себя ущипнуть: если будет больно, значит это не сон. А если не будет? А почему так душно?

...Сергей срывает с лица полотенце и садится в постели, отбросив одеяло. Это тюремная камера. Сопят и храпят во сне заключенные. Утро. Бледнеет дежурная лампочка над дверью. Шконка Сергея в глубине камеры, у окна, на нижнем ярусе. Стучает, открываясь, кормушка на двери, и громкий голос врывается в помещение:

— Подъем!!! Трудовые резервы...

Камера отвечает сопением и храпом. Сергей вздыхает:

— Дивный сон!

Ложится и закрывает глаза.

4. ТЕАТР И МИФ

Был теплый воскресный день сентября.

Мальчик Вольдемар играл с ребятами в войну на стройплощадке, среди остатков бетонных плит, груд кирпича, поломанных дверных обналичек и оконных рам. Строительство вступило в завершающую фазу отделочных работ, но и они не велись в тот день по причине выходного. Сторож отпустил приятеля, убрал посуду и закуску и теперь удовлетворенно дремал. Помех игре не было.

Видимо то, что никаких реальных помех и угроз «партизану» Вольдемару не было, он переполз через рельсы еще не убранного крана, подобрался к груде битого кирпича, выбрал осколок по руке, прикинул расстояние и швырнул свою «гранату» в окно первого этажа.

Звон стекла разбудил сторожа. Он вскочил на ноги, заметил ребят и закричал страшным со сна голосом. Ребяшня бросилась наутек.

Волька остался лежать на своем месте. Он видел, как носится сторож, безуспешно пытаясь поймать кого-нибудь, как ребята ловкими перебежками покидают строительную площадку, как суетится друг Сергей на бетонных плитах, не решаясь прыгнуть вниз. Сторож тоже заметил его. И тут Сергей прыгнул. Он, наверное, зацепился ногой, потому что перевернулся и упал навзничь. И не смог подняться. Даже не попытался. Это очень удивило и разозлило Вольдемара и он крикнул:

— Серенька! Дурак! Спасайся!

Но ни сторож, ни друг Сергей не обратили на этот крик никакого внимания: Серенька лежал, а старик стоял над ним. Вольдемар вышел из своего убежища и подошел, изображая из себя постороннего. Но сторожа обмануть было невозможно, и уже через секунду он крутил Вольдемару ухо, ругался матом и все время пытался узнать, — мальчик никак не мог понять, что именно.

— За что? — дышал на него сверху сторож. — Ты думаешь, гад, ты стекло разбил? Ты меня под монастырь подвел, сукин сын! За что мне все это? Полному кавалеру Славы! Отвечай — за что?

Волька морщился от боли, но не кричал, скулил потихоньку, чтобы не привлекать внимания, чтобы никто не заметил его унижения. На площадку уже заглядывали взрослые, подъехала карета «скорой помощи», и постанывающего Сергея на носилках отнесли в машину.

— Скажешь, нечаянно — да? — не отпускал Волькино ухо сторож.

— Не!

— Что — не? Специально? Хулиганил?

— Не, дяденька! Пусти, больно. Чтобы взаправду было. Как жизнь!

— Что — взаправду?

— Чтобы страшно. Как война. Чтоб взаправду.

— Ах, чтоб страшно? Чтобы как война? А потом — дяденька, пусти? На-ка выкуси! Раз так — отвечать будешь по законам военного времени!

И сторож за ухо потащил Вольдемара со стройплощадки.

— Куда вы меня?

— Куда, куда! — передразнил сторож. — К стенке!

Он вывел Вольдемара на траекторию улицы и пинком отправил в полет. Волька совершил посадку около палисадника, осознал свободу и ощутил радость и облегчение.

Понять и оценить по достоинству Вольдемара могли бы только трое: прославленный театральный мыслитель К. Станиславский, философ имени мифа и числа А. Лосев и юный филолог Ф. Ницше, — других не знаю. (Миф — это магическое имя истории.)

5. ПРАЗДНИК

Государственный праздник. Весной или осенью — сейчас уже трудно сказать, да это и неважно, если стоит хорошая погода, а люди хотят радости и веселья, и препятствий этим порывам нет никаких.

Одно из праздничных мероприятий проходило

на городском стадионе. Стадион был устроен в низине, и юный пионер Вольдемар еще с лестницы, спускавшейся к трибунам, увидел на беговой дорожке битву былинных витязей с врагами и заторопил родителей.

Город был древний, с памятниками и традициями, посещаемый кинематографистами разного рода, и подобные действия нередко веселили затосковавшего в труде горожанина.

На богатырей они опоздали: когда они занимали свои места — в самом низу, прямо перед барьером по беговой дорожке неслась тачанка, запряженная тройкой вороных, за ней скакали на непослушных конях «буденовцы», а следом выкатил неторопливый зеленый броневик с человеком наверху. Уже так называемые «буденовцы» произвели на искушенного знаниями Вольдемара удручающее впечатление: лошадь одного почему-то все время норовила идти боком, другая понесла своего ездока прямо на зеленый газон футбольного поля, остальные перепугано шарахались от громогласных трибун и громкоговорителей и припадали на задние ноги...

«Броневик», подрагивая своей фальшивой броней, приближался к Вольдемару. На «броневике» стоял мужчина, неудачно загримированный «под Ленина». Волька отчетливо разглядел его бугристый «лысый» парик,